

§8 ГУМАНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Напцо М. Д.

РИСКИ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. Объектом исследования данной статьи является философия национализма, а предметом – риски, возникающие на основе националистической идеологии. Автором исследуются противоречивая природа и дихотомичность национализма и этноцентризма, ведущие к рискам различного содержания и воздействия. Особое внимание уделено анализу факторов, способствующих возникновению националистических установок и идеологем. Показано влияние процессов экономического и имущественного расслоения на распространение национализма и различных форм его проявления. Обосновывается вывод о востребованности проблемы научным сообществом и общественным сознанием. Методологическую основу статьи составили конкретно-исторический, диалектический и системный подходы, позволившие представить исследуемую проблему в единстве ее противоречивых составляющих. Научная новинка состоит в обосновании тезиса о зависимости идеологии национализма от условий социальной практики и особенностей этнического развития. Главные результаты статьи заключаются в выдвигении ряда тезисов: 1) в условиях расширения пространства многонационального мира проблема национализма требует исследований, адекватных социально-историческому контексту; 2) с точки зрения угроз для национальной безопасности особое значение приобретает анализ рисков и негативных последствий националистических идеологий.

Ключевые слова: национализм, этноцентризм, этническая дискриминация, менталитет, национальная идентичность, национальный интерес, толерантность, клановость, риск, конфликт.

Review: The object of this research is the philosophy of nationalism, while the subject is the risks that emerge upon the foundation of nationalistic ideology. The authors examine the contradictory nature and dichotomy of nationalism and ethnocentricity, which lead to risks of various type and effect. A special attention is given to the analysis of the factors contributing to the rise of nationalistic attitude and ideologemes. The work demonstrates the influence of the processes of economic stratification upon the spread of nationalism and various forms of

its manifestation. The authors substantiate the demand for this issue by the scientific community and public consciousness. The novelty consists in substantiation the thesis on the nationalistic ideology's dependence on the conditions of social practice and peculiarities of ethnic development. The main results consist in the following in the following theses: 1) under the conditions of expansion of the space of multinational world, the problem of nationalism requires research that is adequate to the socio-historical context; 2) from the perspective of threats to national security, a special importance lies in the analysis of risks and negative consequences of nationalistic ideologies.

Keywords: national interest, national identity, mentality, ethnic discrimination, ethnocentrism, nationalism, tolerance, clannishness, risk, conflict.

В обществе постмодерна достаточно широкое развитие, наряду с либеральными и социалистическими идеями, получила философия национализма. Она стала востребованной многими государствами – моноэтническими, полиэтническими, экономически преуспевающими, испытывающими мощное миграционное давление, развивающимися. Практически повсеместное возникновение национальных диаспор, анклавов, серьезно трансформирующих облик современных обществ, приводит к распространению идеологии национализма, выступающей зачастую в качестве защитного механизма от негативных внешних воздействий. Это связано, с одной стороны, с актуализацией и активизацией этничности, с ростом национального самосознания, стремлением к локализации, обеспечивающей реализацию национальных интересов, сохранение и приумножение национальных ценностей. С другой стороны, с утверждением универалистских тенденций, вызванных процессами глобализации и усиливающейся прозрачностью национальных границ.

Национализм выступает в различных ипостасях – как собственно национализм и как этнонационализм (трактуемый некоторыми как антинационализм), и тем множит риски. В качестве национализма он выступает как форма выражения этнической идентичности, фактор национальной идентификации, важнейший этнический маркер, и его такое понимание позволяет говорить о нем как о факторе внутриэтнической консолидации, позволяющей этносу осознать себя единым образованием, способным четко артикулировать национальные интересы, вырабатывать соответствующие времени способы защиты национального от воздействий

самого различного характера. История народов в прошлом и настоящем демонстрирует примеры того, как национализм становился инструментом борьбы за национальный суверенитет и независимое развитие.

В таком качестве – как возможность сохранения народа – рассматривает национализм Б. Андерсон, автор труда «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», в котором изложил свое достаточно оригинальное видение этого противоречивого феномена. Согласно исследователю, национализм – этот культурный артефакт – был и остается одним из инструментов выживания, механизмом, способствующим установлению связи поколений: «создание национальных государств, вобравших в себя традиции и правила, существовавшие у народов, проживавших на их территориях, ... явилось необходимой адаптацией к изменившимся условиям... Национализм представляет собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям социальной среды» [1]. Развитие национализма зачастую связано с процессами становления национальных государств, и можно предположить, что в основе такого национализма лежит развитая национальная идентичность, которая при любых социальных преобразованиях не только не исчезает, а, наоборот, усиливается, вызывая соответствующие реакции в национальном самосознании и менталитете.

Но при таком понимании национализма в нем обнаруживается опасность, заключающаяся в защите коллективных прав – прав и свобод этнической общности – в ущерб интересам индивидуальных прав, ограничивая права и свободы отдельного человека. Абсолютизация прав

коллективных объективно способствует ослаблению личных, диктуя индивиду заданную линию поведения. Проблема сочетания коллективных и индивидуальных прав не есть нечто абстрактное, а вполне осязаемый инструмент, позволяющий избежать возможные негативные последствия. Конкретно-исторический контекст диктует приоритетность тех или иных прав, но важность их сбалансированного развития не вызывает сомнений.

Риски национализма, понимаемого как этнонационализм (антинационализм), произрастают на почве противопоставления «мы» и «они», понимаемого предельно широко. Основу всякого социального конфликта, как известно, составляет оппозиция «мы – они», которая охватывает всю область социального, а значит и национального, и всех субъектов социального действия, и с этим трудно не согласиться. Чем больше социальная дистанция между индивидами, группами, общностями, тем больше возможностей для расширения пространства негативных явлений. В такой ситуации национальные идентификации приобретают следующий смысл: их основной механизм – соотнесение собственно национальных интересов с интересами иных этнических общностей, и тогда национализм не является чем-то устаревшим, ненужным, тормозящим развитие, а наоборот, становится целерациональным действием, формой воплощения национальных устремлений.

Национальное, как известно, проявляется по-разному и защищает себя с помощью различных инструментов, в том числе и в форме этноцентризма, если под ним понимать не исключительность своего национального «Я», а как особый интерес к своему, не ущемляющему интересы других. К примеру, это могут быть процессы этнособираания, объединения вокруг национальной идеи, возрождения национальной культуры, восстановления утраченных ценностей и поиска своего места в многонациональном мире. Этноцентризм, надолго оставаясь доминантой национальной жизни, обуславливая приоритет собственно-национального и необходимость его культивирования (даже в самых архаичных формах), может постепенно, теряя свое позитивное ядро, слиться с этнонационализмом,

приобретая его негативные оттенки. Рискогенное содержание этих явлений очевидно.

Говоря о национализме в целом, следует разграничивать его обыденное понимание как социального явления, которое имеет исключительно негативные последствия, и не только для существования и развития всякой этнической общности. Научная трактовка национализма, безусловно, отличается от обыденной, и прежде всего тем – и на этом настаивает ряд исследователей, что в нем обнаруживаются и позитивные моменты. Но такое восприятие этого явления обнаруживает массу противников, которые приводят в защиту своего тезиса множество аргументов, с которыми трудно не согласиться.

Национализм как принцип государственной жизни, смысл которого состоит в отстаивании национальных интересов, имеет большую внутриэтническую консолидирующую силу, которая позволяет этносу осознать себя единым образованием со всем набором атрибутов: развитыми национальными чувствами, стремлением защитить собственно национальные ценности, права, свободы. В этом смысле он является перспективой национального развития, всегда востребованной и актуальной. Английский исследователь Э. Геллнер объясняет природу национализма через связь культуры и политики. По его мнению, в основе стремления к национальной государственности лежит необходимость защиты национальной культуры. Сама по себе культура какого-либо сообщества воспринимается им как данность, но по мере вторжения в его жизнь чуждых элементов, инноваций она все больше воспринимается как основа идентификации индивида, нуждающейся в сохранении, передаче последующим поколениям, и этим инструментом становится соответствующая национальная политика государства, одной из важнейших функций которого является защитная в широком понимании этого слова. Значит, национализм – это, прежде всего, политический принцип, согласно которому, считает ученый, политические и национальные интересы должны совпадать.

Наделение национализма только лишь негативными характеристиками происходит и из-за того, что негативные проявления отдельно-

го национального экстраполируются на весь феномен национализма (так, производное от понятия «национализм» определение «националистический» имеет, в отличие от первого, исключительно негативное содержание, которое, возможно, и придает отрицательный смысл национализму в обыденном сознании). Если так можно сказать, «текст» национализма изменчив и находится в зависимости от реального контекста, формируемого реалиями не только и не столько национальной жизни и порождающего соответствующие последствия (подтекст). Такой подход позволяет преодолеть одномерность в оценках национализма как исключительно положительного или отрицательного явления. С точки зрения одной из теорий – теории «темных богов», которую исследует Э. Геллнер, «национализм – это возрождение атаквистических сил крови и территории. Этот взгляд часто поддерживают и сторонники и ненавистники национализма. Первые считают эти силы жизнеутверждающими, вторые – варварскими. В действительности человек эпохи национализма не хуже и не лучше людей других эпох. Преступления, совершаемые им, сродни преступлениям других времен. Они просто больше бросаются в глаза именно из-за того, что стали более страшными, и из-за того, что совершаются с помощью более мощных технологических средств» [4].

С этим трудно не согласиться, поскольку национализм имеет противоречивую природу. Как инструмент этнической консолидации, как весьма эффективный способ снятия возникающих проблем, прежде всего вызванных объективно существующим социальным неравенством, которое воспринимается как неравенство в социально-экономических возможностях, как фактор этнической дискриминации, национализм имеет притягательную силу. Но в нем кроются и безусловные риски, поскольку, будучи способом мобилизации этничности, и в первую очередь – политизированной этничности, национализм способен не только выступать фактором объединения, но и размежевания, множа националистические проявления. А значит, он несет в себе элементы конфликтности, основу которой составляют этноцентризм, ксенофобия, ложно понятый патриотизм, всякого рода этнофобии.

Гипертрофированный этноцентризм постепенно перерастает в национализм, в результате чего основным моментом становится не только и не столько мотив защиты национального, сколько утверждение любой ценой собственной значимости, сопровождаемое принижением значения других, формирование соответствующих стереотипов и их навязывание общественному мнению. А всякие стереотипы, имеют, как известно, свойство быть достаточно устойчивыми, особенно в ситуации их постоянного подпитывания. И это является весьма «успешным предприятием», поскольку в истории любого народа немало трагизма и драматизма, которые «будоражат» национальное, «взрачивая» в нем различные проявления агрессии.

Истоки этноцентризма видятся не в превосходстве, а в ущемленности национального, когда – при множественности давлений – достаточно затруднительно отличить мнимую угрозу от реальной. Такие явления могут способствовать этническому дистанцированию, замыканию в национальной «клаузуле». Накладываясь на вполне определенные цели, которые преследует всякая этническая общность, а также на конкретные исторические и социально-политические условия, стремление к этнической обособленности создает иллюзию того, что изоляция предпочтительнее существованию в полиэтничном мире (что особенно актуально для малочисленных этнических групп), т. к. позволяет – при поверхностном взгляде – наиболее конструктивным образом сосредоточиться на решении возникающих проблем, эффективнее реализовывать национальные проекты. Такой подход оказывается мало продуктивным, поскольку находится в противоречии с глобальными тенденциями современного развития, которые предполагают и требуют экономической и технологической кооперации как условия дальнейшего прогресса. В такой ситуации принцип универсализма оказывается более предпочтительным, нежели идея локализма, требования суверенности и независимости иногда теряются в потоке глобализации. Все эти явления с неизбежностью порождают риски, затрагивающие интересы как глобальных, так и локальных акторов, интересы, которые крайне трудно привести в соответствие

и с современными реалиями, и с потребностями одновременно глобализирующегося и локализирующегося мира.

Идеология национализма обладает множеством оттенков различного содержания, выступает в различных – порой противоположных – формах. Эта ее противоречивость создает обширное пространство рисков. Во-первых, национализм – это определенная философия, характер которой зависит от преследуемых этносами целей и от требований реального социального контекста, а значит, она не является чем-то раз и навсегда данным, а имеет свойство соответствовать историческому и своему, «национальному», времени. От этого зависит и то, каково содержание национализма, чего в нем больше – направленного на сотрудничество или же на противостояние? Ответ очевиден: всякого рода ущемления возвращают в национальном самосознании агрессивные установки и реакции, направленные на защиту своей идентичности в широком смысле этого слова. Все это позволяет говорить о структурной дихотомичности данного явления, когда, с одной стороны, он поддерживает и развивает основы национальной идентичности через актуализацию интересов и свобод этнической общности, а с другой, – подтачивает и подрывает их, становясь серьезной преградой на пути обретения подлинной свободы, обеспечивающей условия для перспективного развития.

Во-вторых, национализм – это и политика, ориентированная на реализацию вполне определенных политических целей. Можно предположить, что быть националистом в политике – значит быть патриотом своей страны, как считают отнюдь не немногие. И такое понимание национализма требует жертв, опять-таки во имя будущности отечества, и это вполне оправдывается идеологически. С целями сопряжены и средства их достижения, которые не всегда легитимны, но они приемлемы, поскольку отвечают государственным интересам. Но это приводит и к расширению пространства негативных практик как наиболее удобных и быстрых в достижении той или иной цели. Таковым нередко становится национализм, а вопрос о том, насколько укладываются в рамки дозволенного используемые

средства, зачастую не является определяющим. Возникает политизированный национализм, который воспроизводит себя через чрезмерную актуализацию этнического, отождествляемого с государственным.

В-четвертых, это и определенный принцип действия, основанный на противопоставлении по признаку этнической принадлежности. Особое значение придается таким важнейшим компонентам, как этническое сознание и самосознание, национальный характер, психологические особенности. Особую опасность несут в себе риски, связанные с проявлениями бытового национализма, который легко разжигаем, в его среде быстрее всего распространяются ложные слухи, формируются искаженные стереотипы в отношении представителей иных народов, особенно в ситуации социальной и экономической неудовлетворенности. Именно она придает особую остроту социальным взаимодействиям, которые окрашиваются в националистические оттенки, результатом чего становится появление образа «врага», в котором видят источник всех бед. И тогда национализм в его самом неприглядном качестве плодит конфликты различной направленности, становясь для определенной части этнической группы достаточно востребованным инструментом жизненной стратегии.

Все, что имеет отношение к национальной идентичности и ее составляющим, наполнено особым смыслом для каждого индивида в отдельности и народа в целом. А основу национальной идентичности составляет менталитет – «фундаментально общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, глубинный источник мышления, идеологии, веры, чувств и эмоций», который характеризуется «некой предрасположенностью, внутренней готовностью человека действовать определенным образом» [2]. Ущемление национальной идентичности в той или иной форме множит риски националистических проявлений. Пространство национальных чувств оказывается заполненным разнообразными эмоциональными переживаниями и девиантными явлениями, и в этом велика роль специфики исторического «момента».

Не вызывает сомнения факт того, что основой, питающей национализм, являются социально-экономические проблемы, тем более что обусловленность национального социальным более чем очевидна. Находясь перед лицом реальных или мнимых угроз, пребывая в разных состояниях, этническое «ищет выход», в том числе и через сравнение с другими, в первую очередь – более успешными. Лозунги социальной справедливости приобретают националистические оттенки, защита своей этничности становится в массовом сознании доминирующей идеей, требующей скорейшего воплощения. От этих и других факторов, взятых в совокупности, зависит то, насколько конфликтным и националистическим окажется национальное. И в этом велика роль преследуемых интересов и целей, средств их достижения, а также готовности к жертвам во имя безусловных преимуществ и выгод, истекающих на почве совместной кооперации и сотрудничества.

Риски национализма заключаются и в том, что его воздействие осуществляется в различных – явных и латентных – формах, и в такой ситуации достаточно непросто выявить его подлинную сущность, а в этом кроются безусловные угрозы для социума в целом, а не только для отдельно взятой этнической группы. Кроме того, аномические состояния, периоды социальной неопределенности плодят широкий спектр негативных установок, в том числе и националистического характера. Среди них, как нами отмечено выше, глубокие различия в социально-экономическом и имущественном положении, которые воспринимаются обществом как угроза его существованию. Эти различия приводят к напряженности – психологической, эмоциональной, которая находит отражение и выражение в национальных чувствах, проявляющихся самым «причудливым» образом. В полиэтничном обществе всякая неудовлетворенность облекается в националистические формы, грозя ему конфликтами, противостояниями, враждой, ненавистью. В условиях, когда провозглашаемые ценности, в частности успеха и процветания, не совпадают с реальными возможностями, которые обеспечивают этот успех (понимаемый предельно широко), в пространстве социума

возникают риски широкой направленности, делающие его стохастическим и «турбулентным». Высокая степень неудовлетворенности как жизнью в целом, так и отдельными жизненными ситуациями, проецируется, как видим, и на область национальных отношений.

Одной из наиболее явных характеристик современной жизни является наличие множества разделительных линий, придающих обществам конфликтные черты. Несмотря на принимаемые меры по созданию социально ориентированного общества, целью которого является обеспечение равных и благоприятных условий для развития коллективного и индивидуального бытия, повсеместно наблюдаются процессы социальной дифференциации, охватывающие все социальные системы и слои. Углубляющаяся социальная стратификация с ее негативными последствиями, неравный доступ к материальным и духовным благам, отсутствие реальных возможностей для самореализации и многое другое становятся факторами, приводящими к расширению пространства тех, чьи позиции, в силу этих и многих других процессов, достаточно зыбки и неопределенны.

В такой ситуации оказывается более чем востребованным принцип толерантности, утверждение которого способствует минимизации рисков и противоречий, вызываемых существующими противостояниями. Но именно эти разделительные линии – экономические, политические, имущественные, культурные, этнические – становятся серьезной помехой на пути установления толерантных отношений, важность которых для полиэтничного общества безусловна. Можно сказать, что терпимость во множестве своих этнических, религиозных проявлений есть, по сути, феномен конкретно-исторический, учитывающий те социальные обстоятельства, в рамках которых возможна его конструктивная реализация. В таком качестве терпимость перестает быть некой абстракцией, применимой к любым условиям, всегда возможной линией поведения. И это несмотря на факт того, что толерантное отношение, в частности, к лицам иной национальной принадлежности, зиждется на принципах гуманизма и человечности, уважительного к ним отношения, пони-

мании собственной значимости и значимости другого народа, ценности собственной и иной культуры и ее атрибутов, критического отношения не только к другим, но и к себе. Применительно к современным реалиям задача эта отнюдь непростая, ибо зависит от специфики социальных процессов, и в первую очередь – от процессов, связанных с социальной мобильностью, поляризацией, которыми полна социальная практика и которые формируют противоречивое пространство социальных установок и нравственных ценностей. В таких условиях толерантности сложно «пробивать» себе дорогу.

Необходимость в толерантности как жизненном принципе становится актуальной как во взаимоотношениях этносов, так и внутри них самих. Разделительные линии обнаруживаются и в среде самих народов: новые экономические отношения эпохи рынка привели к глубоким социальным внутриэтническим расслоениям. Следствием этих расслоений стало появление различных типов национализма – национализма наиболее влиятельных и национализма менее влиятельных групп, которые преследуют противоположные цели и придерживаются различных мировоззренческих и идеологических ориентиров. И это не может не отражаться на национальном самосознании – расколотом, неоднозначном в своих проявлениях, вызванных в том числе и явлениями клановости, которая, на первый взгляд, не содержит реальных угроз для бытия народа. Но размежевание по принципу клановости есть ничто иное как противостояние «мы – они», а значит, ей свойственны те же черты, которые характеризуют всякую дихотомию. Тенденция к клановости, понимаемая некоторыми как возможность защиты рода, семьи как основы этнической общности, в действительности ведет к усилению дезинтеграционных процессов, поскольку плодит всякого рода «национализмы». Примеров тому много: кланово раздробленное общество мало поддается регулированию, и в первую очередь – несовпадением преследуемых целей, а родо-племенное сознание, выступая в ряде случаев в архаичной и нередко радикализованной форме, становится препятствием на пути обретения

подлинной свободы, в рамках которой только и возможно поступательное развитие.

Национализм в его негативном понимании, в том контексте, в котором его обычно используют, нередко эксплуатирует историческую память народа. Прошлое имеет особую притягательность, в нем черпаются силы для настоящей и будущей жизни, и всякое на него посягательство воспринимается не как виртуальная, а как вполне реальная угроза. Поэтому прошлое становится предметом различного рода спекуляций, более того – инструментом манипулирования, к которому прибегают не всегда «чистоплотные» представители «от народа» в стремлении достичь вполне конкретные цели, не всегда совпадающие с подлинно национальными интересами. В своих крайних формах национализм, как правило, произрастает на почве преувеличения собственной значимости, и прошлое – исключительно героическое, причем, недооцененное, обретая мифические черты, придает этническому самосознанию как важнейшей характеристике этнической общности определенный вектор развития. Это держит самосознание в «напряжении», не давая ему, образно выражаясь, успокоения. В том числе и благодаря присущему национализму «метафизическому свойству» (не ощущаемому, но существующему) – формировать чувства сопричастности, долга, ответственности перед будущими поколениями.

Не меньшую роль в возникновении национализма играет слабость государственных институтов, призванных обеспечить условия для полноценного развития народов, без чего нет устойчивого и эффективно функционирующего общества. Проблема заключается в том, что структуры государственной власти не «пспевают» за быстро меняющимся миром, требующим соответствия темпу времени, который изменяет все – от экономики до этнической сферы.

Это проявляется в недостаточной защите интересов граждан, несвоевременном реагировании и недостаточной реализованности общественных ожиданий, в том числе и ожиданий со стороны этнического сообщества. И тогда инструментом достижения целей нередко становится национализм с его обвинениями в недостаточности внимания и требованиями особых

преференций. В массовом сознании возникают установки националистического свойства, воспринимаемые как вполне понятная и естественная реакция на несправедливости, чувства обделенности, «заброшенности», недопонимания и т. д. И в такой ситуации национализм становится своеобразным ориентиром, направленным на поддержку национального

духа, руководством к действию, а риски таких доминирующих в сознании народа умонастроений очень высоки. И главный риск состоит не только в расширении пространства дистанцированности народов друг от друга, но и в возможности – вполне реальной – разрушить многонациональное целое, основу национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон – Пресс – Ц: Кучково Поле, 2001. С. 146–147.
2. Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общества. Среда. Развитие. 2012. № 4. С. 194.
3. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Изд-во «Новое издательство», 2006. 200 с.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 91.
5. Дубовский С. В. Механизмы развития и конфликты в XXI веке // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 157–165.
6. Лурье С. В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145–156.
7. Малахов В. С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. 176 с.
8. Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М.: Анкип, 2008. 407 с.
9. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. Спб.: Алетейя, 1998. 307 с.
10. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

REFERENCES

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma. M.: Kanon – Press – Ts: Kuchkovo Pole, 2001. S. 146–147.
2. Barsukova E. N., Romanenko I. B. Sotsiokul'turnaya identichnost' i natsional'nyi mentalitet: urbanthropologicheskii podkhod // Obshchestva. Sreda. Razvitie. 2012. № 4. S. 194.
3. Bart F. Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. M.: Izd-vo «Novoe izdatel'stvo», 2006. 200 s.
4. Gellner E. Natsii i natsionalizm. M.: Progress, 1991. S. 91.
5. Dubovskii S. V. Mekhanizmy razvitiya i konflikty v KhKhI veke // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. № 2. S. 157–165.
6. Lur'e S. V. «Druzhba narodov» v SSSR: natsional'nyi proekt ili primer spontannoi mezhetnicheskoi samoorganizatsii? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 4. S. 145–156.
7. Malakhov V. S. «Skromnoe obayanie rasizma» i drugie stat'i. M.: Modest Kolerov i «Dom intellektual'noi knigi», 2001. 176 s.
8. Mnatsakanyan M. O. Natsionalizm i globalizm. Natsional'naya zhizn' v sovremennom mire. M.: Ankip, 2008. 407 s.
9. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda. Spb.: Aleteiya, 1998. 307 s.
10. Yanitskii O. N. «Turbulentnye vremena» kak problema obshchestva riska // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 6. S. 155–164.